

эксперименте мы сталкиваемся с отрицательным прагмалингвистическим переносом. Прагмалингвистический перенос, по словам Каспера «представляет собой влияние знаний учащегося об иллокуционной силе определенных форм, функций в родном языке на восприятие и воспроизводство похожих ситуаций в изучаемом языке, что, в свою очередь, ведет к недопониманию этих коммуникативных ситуаций среди собеседников, для которых изучаемый язык является родным» [Kasper 1993: 128]. Как отмечает Дж. Томас, прагмалингвистическое недопонимание возникает тогда, когда «прагмалингвистическая сила высказывания говорящего, обозначенная в виде определенной лингвистической структуры, отличается систематически от прагмалингвистической силы высказывания человека, для которого данный язык является родным. Или же, когда стратегии речевого акта перенесены из ЯР в ЯИ неравномерно» [Thomas 1983: 107].

Список литературы

Barron A. Acquisition in Interlanguage Pragmatics / A. Barron. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2001. – 358 pp.

Kasper G. Interlanguage Pragmatics / G. Kasper, R. Blum-Kulka. – Oxford : Oxford University Press, 1993. – 205 pp.

Leech G.N. Principles of Pragmatics / G.N. Leech. – London ; New-York : Longman, 1983. – 257 pp.

Thomas J. Cross-Cultural Pragmatic Failure / J. Thomas // Applied Linguistics. – 1983. – № 4, vol. 2. – Pp. 91-112.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Д.В. Архипкин

*Научный руководитель: М.В. Голомидова,
доктор филологических наук, профессор (УрФУ)*

В современной науке дискурс понимается как сложное явление, состоящее из участников коммуникации, ситуации общения и самого текста. Другими словами, дискурс – это абстрактное инвариантное описание структурно-семантических признаков, реализуемых в конкретных текстах. Идеалом, к которому следует стремиться в процессе коммуникации, является максимально возможное соответствие между дискурсом как абстрактной системой правил и дискурсом (или текстом) как конкретным вербальным воплощением данных правил. В свете теории речевой деятельности различаются два аспекта – создание, или порождение дискурса (обдумывание, планирование, говорение, оформление в письменном виде) и понимание дискурса (слушание,

восприятие письменного текста, анализ, интерпретация) [Арутюнова 1993].

Под дискурсом понимается особое использование языка, в данном случае русского, для выражения особой ментальности, а также особой идеологии. Это вызывает активизацию некоторых параметров языка и, в конечном счете, требует особой грамматики и особых правил лексики. Весь этот языковой материал также можно назвать дискурсом. Примером дискурса может служить и сумма высказываний какого-либо персонажа художественного произведения, который выступает в этом случае как модель реальной языковой личности.

Важной составляющей дискурса является категория участников общения, так как именно они являются создателями текста. Выделяются личностный и институциональный разновидности дискурса. Участники личностного дискурса проявляют качества своей языковой личности посредством художественного дискурса. Политический дискурс является разновидностью институционального дискурса [Арутюнова 1993].

Реализация разных типов дискурса происходит в коммуникативных ситуациях в различных сферах человеческой деятельности. В последние годы были получены некоторые интересные результаты в исследовании возможных ментальных миров, составляющих семантическую основу разных типов дискурсов. Был введен ряд соответствующих терминов, например, дискурс на каком-либо языке, в частности, английский дискурс, мужской/женский дискурс, вежливый дискурс, аргументативный дискурс, художественный дискурс, лирический дискурс и т.п. Таким образом, все вербальное и невербальное поведение человека организовано через репертуар различных видов дискурса.

В потенциальном измерении дискурс представляет собой семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание данной коммуникативной сферы, а также тезаурус прецедентных высказываний и текстов. В потенциальное измерение дискурса включаются также представления о типичных моделях речевого поведения и набор речевых действий и жанров, специфических для данного типа коммуникации.

Применительно к семиотическому пространству политического дискурса можно говорить о неоднородности задействованных в нем «языков»: помимо вербальных знаков и паралингвистики, существенное значение имеет политическая символика и эмблематика, семиотика зданий или, шире, семиотика пространства (знаковое использование пространства). В политическом дискурсе знаковый статус приобретает сама фигура политика и определенные поведенческие моменты (знаковые действия) [Добровольский 1998].

Политический дискурс по существу является выражением всего комплекса взаимоотношений между человеком и обществом, и, таким образом, это явление по сути своей функционально направлено на формирование у реципиентов некоторого фрагмента мировосприятия или картины мира. Используя политический дискурс в качестве пробного камня, можно понять, как в разных языковых коллективах моделируются культурные ценности, как пропагандируется социальный порядок, какие элементы языковой картины мира остаются за пределами сознательных речевых стратегий говорящих, как формируется концептуальная картина мира, присущая каждому языковому коллективу [Попова, Стернин 1984].

В политическом тексте содержится как экстралингвистическая информация (картина мира), так и знаковая информация (картина мира, представленная через знак, номинацию) [Караулов 1993].

Политический дискурс обладает не только смыслом (соотнесен с реальностью), но и сущностной «привязкой» (соотнесен субъектно с определенной группой или группами людей). Различные субъекты общения по-разному отражаются в дискурсе: коммуникативные формы порождают свое содержание.

Анализ сущностной информации политического дискурса есть анализ коммуникативно-номинативный: кто общается и как общается. Политический дискурс представлен в лицах. Лицо сливается с текстом, но одновременно само является текстом. Это «наслоение», или смешение содержаний порождает новое содержание. В итоге автор приходит к тому, что один и тот же текст, произносимый разными лицами, «распадается» на разные тексты: они иначе декодируются аудиторией, иначе структурируются, классифицируются, ранжируются. Они дают иную картину социального взаимодействия [Попова, Стернин 1984].

По мнению И.Ф. Ухвановой-Шмыговой, смысло-сущностные исследования политического дискурса могут дать значимый материал как о современной дискурсии в целом, так и о политическом дискурсе в частности. Необходимо выявить те признаки, которые характерны для политической дискурсии на данном этапе развития социума, а также определить исторические и национально-специфические черты политической дискурсии, преемственность/непреемственность тех или иных стилей, типов, форм общения, композиционных решений.

В академическом и эпистемологическом контекстах анализ политического дискурса (политический дискурс-анализ) не является «строго оформленной» дисциплиной и скорее функционирует как междисциплинарное методологическое направление, интегрирующее теории и практики анализа политических текстов (дискурсная прагматика, когнитивный дискурс-анализ, конверсационный анализ, критический

дискурс-анализ и т.д.) [Йоргенсен 2008].

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Введение / Арутюнова Н.Д. // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М., 1993. – С. 3-6.
- Добровольский Д.О.* Национально-культурная специфика во фразеологии / Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1998. – № 6. – С. 48-57.
- Попова З.Д.* Лексическая система языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 148 с.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1993. – 261 с.
- Йоргенсен М.* Дискурс-анализ. Теория и метод / Марианне В. Йоргенсен, Луиза Дж. Филипс ; пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Харьков : Гуманитарный центр, 2008. – 280 с.

СООТНОШЕНИЕ ЭНАНТИОСЕМИИ С ОМОНИМИЕЙ, АНТОНИМИЕЙ И ПОЛИСЕМИЕЙ

Ё.Р. Одилов

*Научный руководитель: Н.М. Махмудов,
доктор филологических наук, профессор (АН РУз)*

Энантисемия как вид системных отношений в лексике, несмотря на наличие общих свойств с явлениями омонимии, антонимии и полисемии, отличается от них рядом специфических особенностей. Определение общих и отличительных свойств энантисемии и смежных явлений считается важной задачей при установлении ее лингвистического статуса. В процессе исследования структуры и функционирования многозначных слов, омонимов и антонимов их лингвистическая природа оценивается с формальной, семантической и функциональной точек зрения, что способствует выделению и разграничению этих явлений.

Определение статуса и роли энантисемии в лексическом ярусе языка требует особого подхода, позволяющего выявить общие и дифференциальные признаки, сближающие и отграничивающие ее от омонимии, полисемии и антонимии. Известно, что энантисемия в лингвистических исследованиях рассматривается с различных точек зрения: 1) как особый вид полисемии, омонимии и антонимии; 2) как переходное явление между двумя лексическими категориями – омонимией и антонимией, полисемией и антонимией, полисемией и омонимией; 3) как особая лексико-семантическая категория данного яруса. Каждая из точек зрения, с одной стороны, указывает на отличительные особенности данного явления, с другой – приводит к различному пониманию и толкованию данной лексической категории.